

1.

Она проснулась с тем особым чувством изгнанности из рая... Села, как была, голой на кровати, подперев подбородок коленями, и сплетенные, слипшиеся с лучами солнца волосы словно поддерживали ее голову.

Она бы все отдала сейчас. Отказалась бы от всего самого ценного, чтобы быть в эту минуту рядом с ним. Отказалась бы даже от самой себя, такой прекрасной и начитанной. Любящей европейское кино и классическую музыку. Ибо зачем она сама себе без него? Она бы отдала все — чтобы он сейчас, в эту минуту, лежал с ней рядом. Просыпался вместе с ней. Прижимал бы ее спину к своей груди на их семейном ложе.

Но, к сожалению, в эту минуту с ней рядом лежал я. Асоциальная личность. Побитая собака. Мужчина по вызову.

А пока я лежал, ничего не говоря и не шевелясь, она встала и, не стесняясь своего полуобнаженного худого тела, прошлепала липкими ступнями (возможно, ей приснился кошмар) по паркету к окну. Раздвинула рейки жалюзи, взглянула на улицу. Затем, оценив обстановку, поняв, какое сейчас время суток (внизу на Московском проспекте, напротив окон, висели часы обменника), направилась в ванную. Села на край унитаза, будто это был подоконник или подлокотник кресла, и попыталась взглянуть в зеркало.

— Как это страшно, — сказала она. — Я не узнаю своего лица. Это чудовищное ощущение.

Признаться, меня не тронули эти ее слова. После того, что я услышал накануне, я уже стал сомневаться в ее адекватности.

«Это еще ничего, многие после первого случайного секса не могут найти и узнать свою душу. А ты молодец, держишься, потеряла только лицо», — подумал я. Но сказал совсем другое:

— Это еще ничего. На войне многие после замеса первого серьезного боя не узнают не только своего лица, но и лиц и тел своих истерзанных товарищей. А ты молодец, держишься, пережив такую битву.

2.

Мы встретились в одном из баров, предварительно списавшись и договорившись через фирму «Муж на дом». Иногда еще нашу службу по ошибке называют «Муж на день».

В этой службе я трудился, и в мои служебные обязанности входило устранять неполадки в быту, которые всякие рукожопы устранить сами не могли: собрать шкаф, повесить полки, поставить сантехнику или поменять прокладки на кранах... То есть мелкие работы по домашнему хозяйству...

Но у нее оказалась странная просьба. Она хотела, чтобы я провел с ней не день, а вечер. Вечер 8 Марта. Подарил цветы. Сводил в кафе. Должно быть, она перепутала нашу контору со службой эскорта. Хотя у нас тоже почасовая оплата, и какая в принципе разница — сидеть,

развалившись в мягком кресле, в дорогом ресторане, или чинить, согнувшись в три погибели, протекающий кран?

Когда секретарь передала, давась от смеха, заявку новой заказчицы, это многих в конторе позабавило.

— Почему я? — Мне одному было не смешно.

— Она хотела самого высокого, — хихикала секретарша, — а самый высокий — это ты.

— Высокого, потому что у нее высокие потолки? Или шкафы двухметровые? Она что, не понемала, куда позвонила?

— Я ей все объяснила. Но она настаивала на мужчине-шкафе, — продолжала издеваться секретарша. — Она считает, что в службу эскорта порядочной девушке звонить неприлично. Хорошо, что ее не интересовал стаж и опыт.

— Ладно, не ломайся, — подначивали сослуживцы. — Главное, ввязаться, а там разберешься, в какой руке держать нож, а в какой вилку. Но помни, что спагетти заворачивается по часовой стрелке, а фарш назад повернуть нельзя.

— Про вилку и нож — это хорошо, — оценил я шутку. — Чего только не бывает на нашей работе, когда под рукой нет отвертки.

— Она хочет, чтобы ты купил шикарный букет цветов, лучше розовые розы, — продолжала забавляться секретарша. — И чтобы ты заказал бутылку самого дорогого розового шампанского в ресторане. Но не печалься сильно. За все платит она.

— Я могу отказаться? — спросил я, хотя внутренне уже согласился.

3.

Я согласился, хотя и сомневался, узнаю ли я ее. И справлюсь ли должным образом с заказом. К тому же после того, как мне в драке разбили очки, я весь мир видел слегка размытым. Но почему-то интуитивно я направился к одиноко сидевшей девушке в центре зала.

Еще по пути я понял, какая она красавица. Блондинка с тонкими чертами лица. Тонкие породистые кисти и щиколотки, пышная копна светлых волос. Длинная шея и длинные ноги, которые были прекрасно видны мне, потому что она сидела вполборота, глядя в окно — в зеркальные фасады хай-тековского здания напротив, будто пыталась найти в этом зеркальном монолите отражение своей красоты.

«Зря стараетесь, — подумал я, отодвигая стул и усаживаясь напротив, — в большом городе легче всего потерять свое “я”».

И только после этого подсунул букет цветов, который она не спешила принимать. Нет, ее печальные глаза я не мог спутать ни с одними другими.

— Вы опоздали на пять минут, — сказала она, даже не взглянув на цветы. — Еще минута, и я бы ушла.

Это были ее первые слова. Ни здрасте тебе, ни до свидания. Ни оценивающего взгляда. Будто ей совершенно безразлично, кто явился на свидание и кто сидит напротив нее.

— Вы бы не ушли, — ответил я, располагаясь поудобнее. — У вас не хватило бы духа.

— Почему? — только теперь посмотрела она на меня удивленно.

— Раз вы обратилась в нашу службу, чтобы посидеть с кем-то в ресторане, значит, дела ваши совсем плохи.

— Официант! — тут же раздраженно вскинула она ладонь на тонком запястье. — Счет, пожалуйста!

— Одну минуту.

4.

«Ага, значит, у меня есть некоторое время», — обрадовался я. Зная расторопность наших официантов, они могли подарить мне и двадцать минут, а если повезет, и целые полчаса. Уйма времени, чтобы насладиться ее обществом в таком шикарном месте.

Ресторан и правда был хорош. Высокие белые потолки, кованные люстры и бра, окна достаточно крупные, шторы легкие в пастельных тонах. Ламбрекены, бархат, обилие драпировок. И конечно же, фарфор. Идеальный вариант — классический белый, с золотой окантовкой.

— Что же, приступим, — открыл я меню, стараясь наслаждаться каждой минутой, будто она последняя перед расстрелом.

Меню было в кожаной папке с бахромой по краям, как на эполетах. Кожа натянута и непробиваема, словно на барабане. Нервы тоже натянуты, мелкая дробь, коленки под столом трясутся.

Я всегда думал, какой в этом смысл — в последней минуте? Какой смысл выкуривать последнюю сигаретку перед расстрелом, хватаясь за поднимающийся к небу дымок как за последнюю надежду? И вот только теперь, в этом незнакомом для меня месте, я уловил, в чем здесь весь цимус. Поймать момент и плюнуть в лицо смерти, ибо каждое расставание — как маленькая смерть. А с такой девушкой мне никогда больше не сидеть в

ресторане. Такой у меня никогда не было и больше не будет.

Я это знал, потому что все мы подсознательно понимаем свой уровень. И выбираем (читай: замечаем) женщин-ягод только нашего поля зрения, даже не видя более изысканных и утонченных.

— Если вы не возражаете, — заметил я как бы между прочим, — на аперитив я закажу клубничку со сливками, устриц и кофе.

Она ничего не ответила на мою дерзкую выходку.

— А почему бы и нет, раз уж вы все равно пригласили официанта. И потом, какая разница: одна минута это или час, если оплата почасовая? — иронично заметил я, когда обещанная официантом минутка приближалась к концу.

— Мне все равно, — посмотрела она презрительно мимо меня.

И в этом ее презрительном взгляде в сторону было столько пренебрежения, столько высокомерия, что я стал судорожно искать в ней хоть какой-то изъян, скользить взглядом по всему телу. Идеально подобранное платье в мелкий горошек, будто она собиралась на главное в своей жизни свидание. Руки с длинными тонкими пальцами. Ладонь на ладони лежит так, будто она отталкивает, отвергает меня от себя, даже носки красных полуботинок с серебряными молниями были повернуты от меня в сторону, не говоря про курносый носик, который знаясь не хотел с дурно ведущим себя человек, мужчиной без знания светских манер. Нашел! — ухватился я за пояс, прикрывающий чуть широковатую талию, чуть полноватый живот, который к тому же был прикрыт оборками на платье.

— А на что вы рассчитывали, покупая альфонса? — выдержав паузу, иронично и зло ухмыльнулся я, глядя в ее печальные глаза. — Думали, он вместе с вами будет худеть, думали, он разделит ваши ценности и откажется от ужина из-за вашего лишнего веса?

5.

— Кстати, раз уж мы с вами тут сидим, может, выпьем розового шампанского на брудершафт? А потом скрепим нашу встречу сальными лобызаниями? — Я измывался и мстил, как мог, за первую минуту унижения и за последнюю минуту, в которую она встанет и покинет этот зал.

— Вам смешно, а я впервые в своей жизни жду мужчину, — уже как-то без злости, устало отреагировала она, меланхолично растягивая слова.

Так впервые я услышал о ее муже. И это еще до того, как она что-либо сказала о себе и узнала обо мне.

— Впервые? — не удержался я от того, чтобы сказать еще одну колкость. — Вы сейчас на официанта намекаете?

— Мой муж никогда не опаздывал, — не пропустила она мимо ушей мою шутку, — потому что он был настоящим мужчиной... Настоящим! — повторила она ключевое слово, которое, видимо, должно было зацепить меня, хлестнуть в ответ на все мои выпады.

— Почему был? Его что, убили на войне? — прехватил я ее на полуслове, прежде чем она успела произнести еще одно персонифицированное оскорбление.

— Вам лучше не знать.

— Отчего же? Раз он настоящий мужчина, то наверняка погиб на фронте.

— Он меня бросил. Ушел к своей секретарше. Вчера. Насовсем. А иначе стала бы я на Восьмое марта заказывать вас? — Последние слова она произнесла через плотно сжатые губы...

6.

— Соболезную. Хотя я — не такой уж и плохой вариант. Вот и галстук бантиком, — потрогал я бабочку, которую мне любезно повязала секретарша.

— Как только представлю, что он сейчас сидит с другой в ресторане и дарит ей цветы, и целует ей руки... — заводилась она, вновь не обращая на меня никакого внимания. — Это невыносимо думать, что в мой праздник, в мой женский день он оказывает знаки внимания другой.

— Он может прийти в этот ресторан? — удивился я.

А сам поймал себя на мысли, что после армии мечтал о работе с драками, как Ван Дамм в фильме «Самоволка». Но было трудно подыскать подобное, и я пошел в сервисную службу. Мне понравилось, что наша работа называется службой.

— Возможно. Он очень постоянен в своих привычках. — Это ее замечание в свете вышесказанного выглядело как издевательство. — Его кабинет по соседству, вон в том современном здании. Не люблю эти офисники-коробки из стекла и бетона.

А дамочка-то, оказывается, не промах. Хочет убить одним свиданием двух зайцев. Показать, что она не падает духом. И что у нее полно поклонников.

— Что ж, хитро придумано. И главное, умно, — подмигнул я одобряюще.

— Вы думаете, — с надеждой посмотрела она на меня, — думаете, это сработает?

— Сработает на сто процентов, — льстил я безбоязненно.

Потому что если уж мужчина решил уйти от жены, то дело дрянь. С другой стороны, чувство собственности, желание власти плюс необходимость защищать свои инвестиции давали ей какие-то шансы. Все же ее муж был финансистом.

— К тому же одна из коллег моего мужа, с которой мы знакомы, уже здесь, — приблизившись ко мне, шепнула она, оживляясь, так как мои слова взбудрили и вдохновили ее. — А она у них в офисе главная сплетница.

— Где? — оглянулся я на зал.

— Что же вы так пялитесь? — возмутилась она.

— А что, и посмотреть нельзя? — Меня стали раздражать постоянные упреки и повелительный тон.

— Улыбайтесь, — потребовала она, и сама тут же выдала обворожительную улыбку, — будьте веселы. Вы должны изображать, что счастливы в моей компании. Что вы без ума от меня.

— А мне и притворяться не надо, — натянул я уголки губ. — Я безумно доволен, что нахожусь в вашей компании.

7.

И только я нацепил эту дурацкую мину, эту идиотическую улыбку, как подошел официант и встал, словно на караул, возле столика. Это был амбал в форме гренадера Петровской армии. Я только теперь обратил внимание, что все официанты и бармены были одеты в военную форму разных эпох. От Петровской до Николаевской. Были здесь и кавалергарды, и офицеры пехотного полка. Ротмистры, капитаны, полковники — они сновали меж столиков с подносами. А бармены были наряжены в адъютантов штаба при дядюшках-генералах, которые пузатыми бутылками выстроились за барной стойкой. Включая коньяки «Наполеон» и «Кутузов».

— Желаете что-нибудь заказать? — Армейской выправки официанту было не занимать.

— Да, устриц в лимонном соусе. И блюдо под названием «Пушка».

— Прекрасный выбор, сударь, — лакейски протянул официант, — а сударыня что будет кушать?

Теперь официант напомнил мне гвардейцев, делавших карьеру у опочивальни русских императриц.

— Фахитос с гуакамоле, — и это даже не смотря в меню. Постоянный посетитель виден сразу.

— А что сударыня будет пить? — подобострастно согнулся гренадер. Ни дать ни взять — личная гвардия фаворитов.

— Вино белое, — ответила она и, повернувшись ко мне, пояснила: — Мой муж любил именно белое. Вам понравится.

— И шампанское, — добавил я, вспомнив, что про таких ряженных раньше говорили, что они служат в шампанском полку.

— А что будет сударь? — Вот их вымуштровали, нам такое в армии и не снилось.

— Этот ром, — ткнул я пальцем в название, которое не смог произнести, но мне хотелось попробовать...

— Отличный вкус, сударь! Ай момент. — Официант, одетый в военную форму начала XVIII века, выслушав приказ, отдал честь. Развернулся на каблуке и с чувством собственного достоинства и осознанием своей превосходной выправки пошел выполнять поручение.

8.

А далее на наш стол плавно перемещались с медных подносов тарелки с яствами и напитками, в том числе напичканная рубленным мясом и грибами «Пушка». И словно в честь этого события отсалютовала взлетающей пробкой огромная, видная со всех столиков бутылка самого дорогого шампанского. И к этому фейерверку присоединилась головка сахара, облитая ромом и подожженная прямо перед моим носом... Горящий напиток разливался в оловянные стаканчики, напоминавшие дула пистолетов, из которых обжигаящая и тягучая, словно расплавленное олово, жидкость перетекала в рот. Пламя, которое нужно было принимать внутрь в себя.

И только огненная лава опалила мое горло и воспламенила мою кровь, как грянули смычками по струнам музыканты. Живой оркестр, тоже одетый в военную форму, расположился в соседнем, самом большом, зале. Смешение стилей и эпох. Треугольные высокие шляпы с плюмажем из белых перьев и напудренные парики. На ногах сапоги и штиблеты. Зеленые кафтаны и красные камзолы. Валторны и гобои, барабаны и флейты, и даже охотничьи рожки, напоминающие своим звучанием кларнеты и фаготы. Оркестр, видимо, в честь 8 Марта.

— Почему именно этот ресторан? — спросил я. — Заведение в военном стиле не к лицу хрупкой женщине.

— Мы тут познакомились. Мой муж любит все связанное с военной реконструкцией.

— Он заметил вас за стойкой бара с бокалом в руках? Принял бокал за гранату?

— Я работала в кадровом агентстве. Зашла на бизнес-ланч.

— А он?

— Его офис напротив. Он был младшим сотрудников своей компании. По сути, мальчиком на побегушках. Но я сразу увидела в нем потенциал.

— Так вы кадровик? — Мне не очень хотелось все время говорить о ее муже. — Может быть, вы поделитесь вашими секретами? Чтобы пройти собеседование на хорошее место. Я вот уже подумываю сменить работу...

— Вам это не поможет. — Она в свою очередь, видимо, не хотела говорить обо мне.

— Почему?

— Вы недостаточно тонкий и развитый.

— А что нужно, чтобы развиться?

— Книжки нужно было читать разные. По философии, психологии, романы, в конце концов. Но теперь уже поздно об этом говорить.

9.

Я пропустил ее выпад, снова нацепив на лицо непробиваемую броню в виде улыбки.

Что же, если так хочется, будем говорить о вашем муже. В конце концов, кто платит, тот и заказывает музыку.

За два последующих часа сидения в ресторане а-ля дворянская усадьба, над луной-блином с россыпью красной икры в звездном небе на десерт, я узнал многое чего о ее прекрасном муже.

Например, о том, как он ее бросил. Он действительно никогда не опаздывал. Но он заставлял ее ждать. А ждать она не любила. Очень не любила. Она постоянно поторапливала и его, и себя. Спешила все успеть и всего достичь. Она хотела, чтобы он развивался стремительно, быстро двигался по карьерной лестнице и был по положению в обществе равен ей.

Сама она в свои юные годы с отличием окончила университет по специальности «психология» и поступила в аспирантуру. Защитила диссертацию и получила звание доцента и должность заведующего кафедрой.

Она взяла его перспективным мальчиком и захотела, чтобы он стал ее олимпийцем, чемпионом, победителем. Он был ее психологическим экспериментом, подопытным кроликом, личным

научным достижением. Она писала диссертацию по личностному потенциалу, по развитию в условиях жесткой конкуренции и находила все новые и новые способы мотивировать его. Она ни на минуту не сомневалась, была уверена и в своем выборе, и в своей теории.

И под ее чутким руководством ее подопечный стал делать стремительную карьеру. Он быстро двигался вверх в финансовой корпорации. Купил машину, о которой только можно мечтать, стал копить на квартиру. А чтобы придать ему сил и дополнительной мотивации победителя, она записала его в секцию альпинистов. В команду по восхождению на главные вершины мира.

И ее муж, ее мальчик поднимался все выше и выше к своему олимпу. Ибо визуальные фантазии связаны с реальными достижениями.

Но что-то пошло не так. Первый раз она почувствовала что-то неладное, когда он начал пить много пива и подолгу задерживался якобы в пивных барах с друзьями.

Бездарно проводить время или проесть жизнь в ее теории не предусматривалось. Она привыкла все контролировать в его жизни, и ей не понравилось, что он стал замкнутым и перестал с ней делиться по вечерам своими впечатлениями, рассказывать о каждом своем шаге на работе.

10.

— Что-то случилось? — обратилась она к нему. — Давай поговорим...

Но он только молчал, отказываясь идти на контакт.

— Любишь меня? — спросила она.

— Я не знаю. — И это после пяти лет совместной жизни! — Мне надо подумать...

— Я не понимаю, что тебе мешает думать здесь? — не дослушала она.

— Это не так просто. Ты на меня давишь. На следующей неделе мы с друзьями едем в Альпы, на Монблан. — Помимо альпинизма ее муж увлекся историей, состоял в клубе реконструкторов исторических событий, и время от времени они играли в разные важные события, например, переход Суворова через Альпы. — Я тебе говорил про восхождение. Когда я вернусь, мы поговорим. Потерпи немного.

Но она не стала терпеть. Она решила сразу бороться. Звонила в отель, проверяла банковские карточки и счета, чтобы узнать о его тратах. Она сразу заподозрила, что он поехал на Монблан не с друзьями, а с любовницей, с той рыженькой секретаршей. И она хотела вывести его на чистую воду. Информирован — значит, вооружен.

Но это не помогло. Все ее усилия были тщетны. Когда он вернулся, он сказал: «Все плохо».

— Что плохо?

— Я подумал, все плохо для тебя и прекрасно для меня. Нам нужно расстаться.

До этого никогда такого не было. Она не ожидала, что он вот так — самостоятельно — примет решение разойтись. Что он первым бросит ее, такую красивую, эффектную, успешную. Наверное, она переусердствовала в своих усилиях развивать его.

— Это связано с твоей новой секретаршей? — поинтересовалась она осторожно, хотя для себя уже знала ответ на этот вопрос.

— Нет, — сказал он, — другие женщины тут ни при чем.

— Тогда в чем дело?

— Понимаешь, когда стоишь один на вершине, залитой солнцем, и видишь, как копошатся людишки там, внизу, то понимаешь, что тебе никто не нужен и ты никого не любишь.

— Я тебе не верю, — сказала она, — ты не можешь так поступить. Я не могла в тебе так ошибиться. Ты не истероид и не эпилептоид.

— Тем не менее, — сказал он, — мне теперь нужно остаться одному. Потому что я достиг своей вершины. И наш цикл завершен.

11.

А потом, приблизив губы к ее лицу, добавил:

— Понимаешь, все. Все кончено. Абсолютно все. Я тебя больше не люблю.

Она оторопела. Не могла ничего сказать от шока. А он, воспользовавшись ее замешательством, быстро собрался и куда-то уехал. Должно быть, к своей рыжей секретарше. И эти несколь-

ко часов, пока его не было, несколько часов, в протяжении которых она ждала, что он позвонит, были самыми мучительными часами ожидания в ее жизни.

Она не выдержала и набрала его сама. Сказала, что не может вот так вот. Что умрет, если он не вернется. Что наложит на себя руки.

— Вернись сегодня, сейчас же! — кричала она в трубку. — Мне ужасно плохо!

— Хорошо, — снизошел он, — еще один день. Но на секс даже не рассчитывай.

— Неделю, — взмолилась она, — дай мне еще неделю, чтобы я собралась с силами...

Весь следующий день они провели вместе. Потому что он боялся оставить ее одну. Но чем больше минут они были в то утро рядом, тем больше она понимала, что не стоит прикладывать столько усилий. Что ему в тягость. Что он все для себя решил.

И тогда гордость взяла свое, она заявила, что не стоит тянуть кота за хвост. Что неделя ей не нужна.

— Отлично, — обрадовался он, — я рад, что ты так быстро собралась с силами.

Но одно дело сказать, а другое — решиться и сделать.

И тогда — о чудо! — они нашли спасительное решение. Точнее, нашел он.

— Давай я тебя отвезу в наш любимый ресторан напротив моего офиса. Туда, где мы познакомились. А потом позвоню твоей подруге, только ты никуда не уходи. И она тебя заберет, когда ты захочешь. А пока ты сможешь сидеть у окна и смотреть на мой офис. На мой олимп. На мою залитую солнцем вершину.

12.

И вот — я так и вижу эту картину — медленно, как у дорогих иномарок в романтических фильмах, открывается дверь авто, и оттуда плавно, словно в замедленном повторе, выкидывается нога женщины в изящном красном полуботинке. Тонкая щиколотка, как положено у породистых девушек. Серебряная молния. И все выглядит очень красиво и стильно.

Единственная проблема: вдруг взявшаяся откуда-то и в самый неподходящий момент агорафобия — боязнь окружающего пространства, открытых мест, площадей, рынков, людских толп. Как кошка боится воды, она боялась теперь замочить в сыром мартовском воздухе пышные волосы и нежную кожу.

Но она все-таки преодолевает себя и ступает каблучком ботиночка в мартовскую лужу, кото-

рую здесь будто специально напрудили мартовские коты. А может, ее наделало мартовское взбесившееся солнце. В дорогой красной коже на грязный тротуар. Почему-то мне во время ее рассказа вспомнилось, что семеновские и преображенские полки обязали носить как униформу красные гольфы в память о том, что они сражались по колено в крови. А темные рыжие брызги грязи на тонких колготках словно стекали на ее красные ботинки кровавым выкидышем их несостоявшейся любви.

— Я думала, я рухну прямо на улице, — после небольшой паузы, три больших глотка воздуха, два — воды, продолжила свою историю Лариса. Так звали мою собеседницу. Но ей больше нравится Лиза. Еще один глоток. Будто она хочет избавиться от себя.

Потому что было очень больно смотреть на людей, которые просто проходили мимо, живя своей обычной жизнью. На беременную женщину, что шла, наглаживая свой живот, будто уговаривая ребеночка не шалить, не дрыгаться, а занять правильное положение. На собачку с подбитыми ногами. Заднюю часть собаки, похожей на крысу, хозяин нес в сумке, а передними ногами она еще пробовала подпрыгивать; дергаться и двигаться сама. На чету стариков, что шли очень медленно, шаг за шагом, поддерживая друг дружку. На еще одну молодую маму с коляской. Коляску мама толкала рукой вперед, а другой держала едва шагающего малыша в полуподвешенном состоянии, помогая удерживать равновесие на широкой полосе асфальта. А тот все норовил завалиться на бок. «Ну что ты, как бычок, шатаешься», — ласково говорила мама, и от этих ее слов стало совсем плохо, ибо только в этом году они заговорили о возможных детях.

— Пойдем, пойдем. — Муж помог Лизе выбраться из машины, протянув руку и подтаскивая ее за собой в сторону здания, как бездвижную таксу, как крысу Ларису.

Странно, но в баре им стало легче, словно они добрались до оазиса после изнурительного путешествия от одного замкнутого пространства к другому. Ему — потому что он словно скинул с плеч тяжелый груз, избавился от надоевшей ноши. Вывел наконец из своей машины ту, которая выходить никак не хотела, выбросил с траектории своего пути. Теперь, когда половина дела сделана, оставалось лишь довершить начатое и отряхнуть руки. Теперь можно в любой момент встать и уйти.

Ей стало легче — потому что все вокруг было и меньше, и темнее. Они сели в самом углу — подальше от людских глаз. Низкие скошенные потолки, столики в нишах. Замкнутое пространство,

в котором можно свернуться калачиком. Сердце в кулак, сжатая ладонь, в ладони палец.

13.

Но они какое-то время еще провели вместе, решив на прощание выпить по пинте пива. Отметить, так сказать, это событие. Он заказал светлого, она — темного нефильтрованного. Он был спокоен и весел. Ее мутило. Он выпил свое пиво очень быстро, а она долго смотрела, как по его кружке стекает капля, не в силах приступить к своему.

Выпив пиво, он встал, давая понять, что ему пора идти на работу.

— Подожди...

— Что? — раздраженно повел он плечами.

— Обними меня... — Она попросила обнять себя, потому что... (ну, ты понимаешь) потому что больше никогда не сможет обнять его прежнего.

— Легко, — сказал он с такой изящной воздушностью, что после этих его слов последняя надежда, что скрывалась за ее страстными посланиями, рухнула.

Что-то оборвалось внутри, и не было никаких сил бороться. Не было сил даже встать и что-то еще предпринять. Не было уже сил и желания доставать из глубин своего тела, из самого живота, новый аргумент, который она приберегала на крайний случай. Полная прострация.

Теперь она поняла, что каждый шаг по пути расставания, когда он вел ее от машины к ресторану, был для него шагом облегчения и радости. Это было видно по его почти подпрыгивающей походке, когда он шел через зал прочь, так ни разу и не обернувшись.

— Мерзавец, — прокомментировал я, потому что надо было что-то сказать. И, может быть, потому что сам чувствовал себя в этот момент мерзавцем.

— Нет, он очень добр. По-своему, по-простому добр, — скажет она потом, — если бы его попросили довести до больницы бездомного, он бы не задумываясь открыл дверцу машины. Я вот со вчерашнего дня сижу здесь и представляю, как он останавливается у сбитой собачки. У той самой таксы с подбитыми ногами. И предлагает довести до больницы.

14.

— Так вы отсюда, не сходя с этого места, звонили в нашу фирму? — уточнил я, и восхищаясь ею, и жалея одновременно.

— Да, — кивнула она, глядя куда-то в сторону, — до последнего надеялась, что он вернется и заберет меня. Бывало, он заканчивал работу очень поздно.

— А подруга?

— Подруга не смогла. У нее своя жизнь. Муж, дети...

«Надо вытаскивать ее, спасти... — подумал я с головокружительным отчаянием. — Пусть я совсем для нее чужой человек. Пусть я мужчина на час...»

— Надо выбираться отсюда, — взял я ее за руку, — надо скорее убираться вон.

— Да, уже пора, — согласилась она.

Я огляделся: как лучше спасти ее, в какую сторону вытаскивать, отступая? И куда после проигранной битвы идти, где прятаться?

Не помню, говорил ли я, но после тех горячих точек, в которых я побывал, после легкой контузии, мне иногда приходят видения, что я вновь на поле боя. Часто во снах, но порой и посредине дня стоит закрыть глаза — и воспоминания или видения налетают, словно тучи.

Вот и сейчас, после ее рассказа мне стало как-то не по себе. Заболело левое, отвечающее за воображение, полушарие мозга, затошнило в желудке. Острые ароматы кухни, стелющийся дым горящего канцерогенного масла, военные марши и мазурки один за другим от чересчур буйного боевого оркестра, набухшая от смога голова. Будто я оказался на поле брани где-нибудь на болотах в Галиции, и немец пускает газ. Плюс к тому ядовитые выделения с болот. А у нас один противогаз на двоих-троих, и мы дышим в него через раз и через хrap. И уже не только противогаз, но и легкие наизнанку, и желудок вывернут, и мы, задыхаясь, харкаем кровью.

Но главное, ее торопливые слова и это топорная полковая музыка достали до самых печенок, словно пуля или осколок после жесткой сечи. И нужно срочно вытаскивать раненых с поля боя. А нести другого, когда сам задыхаешься, когда самому не хватает кислорода, почти невозможно. Здесь без сподручной материи не обойтись.

Я спешу в гардероб, к двери, где воздух чище, где поддувает с улицы. Снимаю с вешалки и бросаю ей на плечи пальто, а свои куртку, шарф и шапку сгребаю в охапку. Натягиваю шапку на глаза, обматываю мохеровый шарф вокруг носа, словно марлевую повязку. Открываю дверь в мартовскую вьюгу. Пурга, засыпая лужи, указывала нам спасительный путь по ветру.

Но когда мы выходим, я замечаю, что она с некоторой жалостью и сомнением оглядывается на двери ресторана. Окидывает туманным взглядом место, где должна была ожидать своего мужа. Возможно, она на что-то еще надеется, на что-то мистическое.

Я же выбираюсь из ресторана с огромным облегчением. За время почти неподвижного сидения на стуле я будто перешел в разряд оловянных солдатиков. Ноги не гнутся, все тело поддается ритму барабанной дроби. Представляю, что было с ней после двух суток.

— Можно, я возьму вас под руку? — просит она виновато. — Меня немного мотает.

— Разумеется! Прошу вас! — оттопырил я локоть, и мы не спеша идем по Московскому проспекту от остановки к остановке, прочь от злосчастного ресторана в сторону загородного простора.

Навстречу нам и завывающему ветру то и дело попадаются намотавшие на лица шарфы, поднявшие воротники своих длинных пальто горожане. Мохеровые и шерстяные шарфы под капюшонами смотрятся так нелепо, будто это портянки под сапогами, а сами бредущие прохожие напоминают остатки разбитой наполеоновской армии. Вечерний морозец хватает их за бока, ветер срывает шапки, щиплет женщин ледяными пальцами за теплые ляжки.

«Каково им там под юбками? Тепло ли?» — думаю я, пока мы не выходим к монументу «Героическим защитникам Ленинграда». Южные ворота города, где сходятся шоссе из Пулково и Московский проспект. А раньше здесь стоял путевой Среднерогатский дворец, построенный Растрелли для императрицы Елизаветы Петровны.

Теперь вместо четырехугольного столба — обелиск, а вместо дворца — пепелище вечного огня. Искры взметались в небо то одиночными выстрелами, то непрерывной долгой очередью. Словно это не вечный огонь, а долговременные огневые точки — доты.

Низкие облака — как пикирующие бомбардировщики. Летят, отбрасывают крылами грозные кривые тени. Огонь подсвечивал надпись, из которой следовало, что именно в этом месте занимали оборону пулеметно-артиллерийские подразделения и части истребительно-противотанковой артиллерии.

Высоченный, устремленный в небо обелиск напоминал зенитную пушку на боевом взводе. У его подножья — скульптурная группа Ра-

бочего и Солдата. «Победители», одним словом. Стоял, подставив своим бронзовые или каменные лица. В темноте не разобрать, разве что если дотронуться. А за ними, будто в тени, — обороняющиеся ленинградцы: литейщики, окопники, ополченцы, связисты, снайперы, летчики.

16.

«Литейщики» — читаю я вновь медные подсвеченные спящие буквы. Отблески от огня создают эффект неоновой вывески, бегущей кровавой строки объявления «В литейный цех требуются литейщики, для отлива форм смерти». А вроде бы мирная на первый взгляд профессия. И снова видения охватывают меня. Я протягиваю руки, чтобы согреть пальцы. Но тень от них перекрестная — будто самолет идет на таран прямо над головой и сыплет нам на головы отлитые литейщиками зажигательные бомбы. А внизу у вечно горящего огня, как в окопе, греемся, прячемся мы всем окопным полком. Жмемся спинами, прячемся от воздушной холодной атаки, пока связисты копаются под бомбежками, согнувшись в три погибели, то ли протягивая провода, то ли уже разматывая кишки.

— А вон в том доме у нас квартира, — говорит моя спутница, переведя взгляд с тени на источник тени и света.

— Где? — всматриваюсь я в город.

— Вон там, — развернула она меня за руку чуть правее, — первый по проспекту дом. Когда мы выбирали, место нам понравилось тем, что раньше здесь был дворец Елизаветы.

Дом возвышался вдали, на первой линии, и тоже походил на стелу с именами героев, выросшую до гигантских размеров. Каждое окно — семья героев, что хранит, бережет свою любовь. Некоторые, возможно, уже одиноки, но по-прежнему верны.

— Так, может, зайдём к тебе? — предложил я, вдруг перейдя на «ты», пожелав поскорее оказаться по ту сторону стелы с высеченными именами.

— Думаешь, это удобно? — само собой получилось на «ты» и у нее.

— Удобно. — Я, словно снайпер, хищно вглядывался в маленькие отсюда окошечки. — Попьем чаю и погреемся.

— Неловко как-то, — подсказывала она мне в своей интеллигентской манере.

— Да нормально, — ловко парировал я.

По мне, самое время переходить к более решительным действиям. Самое время брать этот город и отправляться на зимние квартиры. А что

такое брать город, как не квартиры и женщин? Для меня проникновение в жилище — в женскую его часть — более интимно, чем проникновение внутрь самой женщины.

Только теперь я по-настоящему осознал, почему выбрал работу именно в службе «Муж на день». Проникновение в квартиры — вот ключ к ответу. Помнится, я еще тогда задумывал пойти волонтером в клуб отцов для неполных семей. Чтобы давать уроки мальчишкам-полусиротам.

— Нет, я так не могу, — не сдавалась она, но голос ее уже дрогнул.

— Почему? — давил я удивленной интонацией. — Что тут такого?

— Не знаю, — помедлила она, подыскивая нужные слова. А потом, будто на что-то решившись, резко повернулась и выдала:

— Выбирай, если мы поднимаемся сейчас ко мне, то ты больше меня не увидишь. А если гуляем всю ночь до утра, то наше общение продолжится и дальше.

— Я выбираю квартиру, — не думая ни секунды, словно на присяге, отчеканил я.

— Ок, тогда ты пьешь чай и уходишь.

— Договорились. — Не давая ей возможности выдумать новые условия, я двинулся в сторону теплого жилища. Самое время отправляться на зимние квартиры. Тем более охотничья битва выиграна, особенно после того, как она снова взяла меня под руку.

17.

Ее белый многоэтажный дом вблизи, у подъезда, походил уже не на стелу, а на скалу. На гору в Альпах или Гималаях. А когда мы проскочили мимо вахтера, поднялись на лифте, прошли по длинному коридору, то оказались в совершенно пустой небольшой студии, и это мое ощущение, что я на вершине какой-то горы, в пещере, только усилилось.

Но одновременно с этим ощущением, что я на вершине своего существования, пришло чувство разочарования. Потому что ничего в этой квартире не было. Никакого уюта. И никакого погорелища. Абсолютная пустота. Разве к этому я стремился, воюя всю жизнь за свое существование? Разве к этой пустоте?

Как только мы пересекли порог, мне в нос ударил запах свежей краски и лака, запах свежей побелки и ротбанда, полное отсутствие аромата счастья и женского тепла. Белые, отштукатуренные под покраску стены, полы под стяжкой со светлым ламинатом, побеленные потолки.

Она в своем доме. И здесь нет никаких запахов. А значит, мне нечего было захватывать, нечего отбирать или отбивать.

— Не обращай внимания, — сказала Лиза, — мы только-только купили квартиру. Еще толком не доделали ремонт, но уже планировали на годы вперед. Собирались здесь прожить долгую и счастливую жизнь. Но, видишь, даже еще мебель не успели собрать.

— Обычное дело, — кивнул я, — некоторые клянутся прожить вместе всю жизнь, но не успевают из-за банальной ссоры даже завтрак приготовить.

— Располагайся, где тебе удобно, я пока в ванной приберусь.

Почему она, интересно, хотела прибраться? Как я заметил, стоя в прихожей, ванная тоже была вся белая. Новый белый кафель и белые унитаз с раковиной. А на раковине нет даже тюбиков с кремом или краской для волос, только белая паста да отбеливатель. Европейская манера все красить в белый для расширения пространства и создания радостного настроения. Однако было как-то не радостно и холодно.словно в ледяной пещере. Ледяная пещера — определенно не то, что я хотел получить и что захватить как солдат.

18.

Выйдя из ванной, хозяйка скинула длинный шарф, смахнула беретку прямо на пол. Как есть в ботинках, прошла в угол комнаты и, нагнувшись, включила стоявший на полу электрический чайник. Затем, волоча по полу, словно знамя поверженной, но не сдавшейся армии, пальто, ушла в противоположную от окна сторону и села на свое пальто, прижавшись спиной к стене. Закрывает глаза. Задумалась или отключилась? Спит или притворяется? Ждет, когда я попью чаю и уйду? Или ждет от меня мужского поступка? За что еще зацеплюсь и что еще предприму?

Я огляделся, понял, что зацепиться особо не за что — даже крючки и полки не были подвешены. Можно было упасть и валяться так в мокрых следах ее каблучков. Однако я, не снимая куртки, прошел в другой угол комнаты и тоже сел на пол у большого панорамного окна. Разглядывая с высоты город: огоньки фонарей, машин, окон... Чайник стоял как раз напротив меня и подмигивал мне красным огоньком, в темноте напоминая точку снайперского прицела.

Теперь я уже был не крошечный мишенью там внизу, я будто сам сидел в бомбардировщике. А город был у меня как на ладони. И малень-

кие людишки суетились, выныривали из подземного перехода, бежали по своим делам, забегали в магазины и кафе, в конторы и банки, в поисках работы и в поисках куска хлеба, в поисках хоть какого-то пропитания для себя и своих близких. Будто на дворе не годы дикого избыточного капитализма, а все те же блокадные годы Ленинграда. И все, ровно все эти люди, были жертвами, хотя многие из них пока об этом не догадывались, не понимали, что обречены на вечные скитания и выживание, потому что такая жизнь — всегда поражение и неудача.

А я тут на вершине своего могущества, на пике своих достижений, в квартире самой красивой девушки. И эта квартира наводит на меня жутчайшую тоску. А что дальше? Семья, бесконечная борьба за выживание и ее любовь, тихие семейные вечера в осадном положении... Ведь такую женщину мало завоевать, ее еще нужно удержать. Вот она полусидит-полулежит, на паркетном полу, раскинув ноги и руки в стороны и закрыв глаза. Постепенно отключаясь.

И эта тоска, и тишина, и пустота от того, что я попытался занять не принадлежащее мне место чужого мужчины, — сводила с ума. Маленькие машины, маленькие выживающие людишки, троллейбусы и автобусы, в которых ездят неудачники, — и те крошечные.

19.

А пока чайник закипал, то нашептывая себе под нос невнятные фразы, то насвистывая ползнакомую мелодию французских добровольцев, соревнуясь с радио, я думал, что прекрасно понимаю ее мужа.

— А где ты спишь? — собрался я с мыслями.

Надо что-то делать. Иначе она вырубится прямо сейчас. Еще секунда, и ее не будет рядом.

— Пока на полу, — открыла она глаза. — Хотя сейчас еще довольно холодно.

— Холодно — не то слово.

— Мы не успели собрать мебель из «ИКЕИ». — Странно она говорила о себе «мы», будто еще жила с мужем и представляла здесь их совместные интересы. — Видел, коробки свалены в прихожей и общем коридоре?

— Если хочешь, — предложил я больше себе, чем ей, — могу собрать тебе кровать.

— А ты справишься? — с недоверием посмотрела она.

— Еще бы, — ухмыльнулся я. — Мебель собрать — не проблема. Тем более если есть инструкция и шестигранный икеевский ключ.

Не знаю, какая муха меня укусила, но я распаковал клеенные скотчем коробки и разложил на полу части, словно это детали гигантского конструктора лего, кровати. Привинтил к передней спинке боковины, стал укреплять лаги. И только тут до меня дошло, что кровать слишком маленькая, слишком короткая, что это детская кроватка с балдахином и высокими резными ажурными спинками.

— Ты что — ждешь ребенка? — повернулся я к почти засыпающей Лизе.

— Да, уже семь недель нам, — промурлыкала она сквозь сон, — собиралась сказать мужу, но не было возможности.

— Вот это поворот, — присвистнул я, затягивая гайку, — и что же теперь делать?

— Ты можешь делать что угодно, а мне нужно срочно немного поспать. — Лиза не выдержала и полностью сползла по стенке на пол. Уперев затылок в стену, она накрывала ноги кончиком пальто. — Не знаю, как ты, а я очень устала.

И тут я не выдержал и лег на пол рядом с ней, обнимая сначала за плечи, потом нежно за живот. Вдыхая аромат копны пышных волос.

— Тебе опасно здесь так лежать, дураха, — шепнул я, — ты замерзнешь.

Но она уже не реагировала на мои слова. После двух суток без сна по ресторанам контролировать силы нелегко.

20.

Я снял с себя куртку и накрыл ее. Принес еще какие-то вещи из гардероба, больше напоминавшие шобоны, и снова накрыл ее. Сам сел рядом, прижавшись к стене. Будильник, круглые часы на полу тикали, отсчитывая время, и я тоже отсчитывал время, как привык делать это в карауле. Сначала до ста, потом до тысячи, стараясь ничего не принимать близко к сердцу, ни одно воспоминание, ни одну мысль или догадку, стараясь просто смотреть вперед — на застилаемые пургой подступы к городу. Вьюга не только заметала наши следы, но лепилась к стеклу мелкой алмазной крошкой. Теперь дом Лизы напоминал сторожевую башню, с которой нужно смотреть в оба, чтобы не пропустить противника. А когда враг вдруг вынырнет из белой пелены и мрака за ней и, разбив стекло, ворвется в дом, вступить с ним в схватку.

Пусть я недостаточно тонок, зато достаточно ловок. К тому же раз у девушки теперь нет мужа, может, я на что-то сгожусь, — так я примерно рассуждал, принявшись снова за мебель. Тем более, что главный сейчас для Лизы

враг затаился внутри меня самого. А заниматься сборкой — увлекательное дело. Дело, которое отвлекает от самокопания и самобичевания.

Странно, но работа взбадривала. Я вдруг почувствовал себя хорошо — потому что дом не достроен. Здесь еще ничего нет. Голые полы, голые доски паркета. А значит, я могу здесь поселиться, могу все обустроить по своему желанию. Могу вбить гвоздь под нужным углом, там, где захочу, и повесить на стену собственную картину мира.

Так у меня появилась цель и надежда хоть в чем-то быть первым. А мне почему-то очень нужно было что-то здесь захватить и стать первым. Ковыряясь в купленной мебели, ища необходимые саморезы и шурупы, я нашел в углу баул с ее свадебным платьем. Вначале я принял его за балдахин и уже собирался натянуть над детской кроваткой. Но потом разобрался, что к чему.

Под коробами с кухонным гарнитуром я обнаружил коробки с кроватью взрослой. Метр шестьдесят шириной, с высокими бортиками, кровать вскоре заняла полкомнаты. Подняв Лизу с пола, я как можно нежнее, стараясь поддерживать локтем голову, перенес ее на семейное ложе. Перекинул тело через высокую спинку, словно через редуты, вспомнив, как однажды, в каком-то бою, гренадеры закидывали вглубь стройных рядов противника самых больших однополчан, сметая построения неприятеля всмятку.

От моих манипуляций Лиза проснулась, открыла сонные глаза. Поняв, что она уже в кровати, завела руки за спину, расстегнула молнию, стянула через голову платье. Раздевшись до трусов, свернулась калачиком, захватила аккуратно половину пространства, будто освобождая место для меня. Или это была ее привычка спать с мужем, и она не отдавала себе отчет в своих действиях? До конца не проснувшись, не понимала, где она сейчас находится и кто рядом с ней? А может, ей нестерпимо хотелось отомстить мужу за измену?

Но воспользоваться измученной женщиной было бы подло. Я и так бесчестным путем пробрался в ее квартиру, встретив ее в высший момент раскаяния и самоуничтожения... Поймал, как ловят сектанты разочаровавшегося человека, в миг, когда она осознала, что она неудачница, что она никому не нужна, что она брошена, осмеяна и поругана, что ее чувства преданы, а ее надежды рухнули, что ее война и ее жизнь проиграны, а честь потеряна.

И теперь ей не хочется любить себя и жить с собой. А хочется любой ценой исправиться, вернуть все на круги своя, пусть с первым попавшимся под руку мужчиной...

21.

Ну все, хватит мечтать и фантазировать. Нужно оставаться реалистом и занять свое истинное место мужчины на день, а не ночь, — с удвоенной силой и рвением принялся я собирать кухню: подвесные шкафчики и тумбы, стол и кухонный уголок.

К утру все было закончено. Все, что можно было собрать, собрано. Осталось только просверлить дыры в стене и подвесить кухонные шкафы и полки.

— Ну, вот и все, теперь порядок, — присел я на кровать, заметив, что Лиза открыла глаза.

Она смотрела на меня сначала удивленно, будто припоминая, а затем, вспомнив все, отрешенно-равнодушно.

— Мне все равно, — просверлив во мне две дыры, она резко отвернулась.

— Зато мне моя работа по душе.

Лиза промолчала, поднялась с кровати и зевнула, даже не взглянув на результат моих трудов. Наверное, ее оскорбило мое невнимание, и чтобы подразнить меня в ответ, она сначала подошла на свет к окну, а потом, дав мне разглядеть свое обнаженное стройное тело, прошлепала липкими ступнями в ванную, как есть, в одних трусах. Белая ее кожа покрылась мурашками.

Затем она, не закрывая дверь, села на унитаз, видимо, попыталась взглянуть в зеркало и не узнала своего лица. С моего места на кровати хорошо просматривалась эта часть санузла.

— Как это страшно, — сказала она из ванной. — Я не узнаю своего лица. Это чудовищное ощущение.

Признаться, меня не тронули эти ее слова. После того, что я услышал накануне, я уже стал сомневаться в ее адекватности.

— Это еще ничего, — заметил я. — На войне многие после замеса первого серьезного боя не узнают не только своего лица, но и лиц и тел своих истерзанных товарищей. Молодец, держись, пережив такую битву.

— Ты считаешь, что это была война? — спросила она.

— Да, война между мужчиной и женщиной, война за власть, за обладание и верховенство, — сказал я, имея в виду битву света и тьмы.

— Тогда скажи мне, почему мой муж меня бросил? В чем я виновата? — И это меня спрашивал кандидат психологических наук, без пяти минут профессор.

— Ты виновата в том, что заточивала своего мужчину на постоянную войну, и он, став побе-

дителем, ушел через Альпы к женщине лучше и добрее тебя. В какой-то момент он сломался, сдался. Поняв, что не сможет всегда соответствовать твоим запросам и капризам. И тогда он решил совершить свой главный маневр и подать в отставку. Уйти от тебя на пенсию к тихой, менее требовательной и амбициозной жизни. Он подумал, ему проще соскочить, спрыгнуть в пропасть, как лошади того грузного полковника. Ему надоела эта война, как он только достиг своей вершины и своего потолка.

— Ты рассуждаешь, как солдафон. У тебя все, чего ни коснись, война. Сама не знаю, зачем я тебя спросила...

— Я и есть солдат, солдат удачи, — вспомнил я песню «Дип Пепл». — Мужчины часто делают карьеру с одной женщиной, а потом, достигнув потолка, находят молодую и послушную для одобрения. Ту, которая не напоминает ему о его войне и тяжелом восхождении.

— Ты ничего не понимаешь. Ты простой солдафон, и тебе никогда не понять другой душевной организации, не понять таких творческих людей, как мы!

— Все общество любит играть в войну, — парирую я, — но творческие люди ее призывают активнее других.

22.

— Как бы то ни было, — вдруг опомнившись, прячет Лиза свое недовольное лицо в ладонях, — спасибо тебе за все.

— За что за все?

— За мебель, которую ты собрал. И вчерашнюю прогулку, — тон сменился на почти нежный, — мне нужно было побыть с кем-нибудь.

— Ерунда.

— Ты мне очень помог. Могу я что-нибудь для тебя сделать в ответ? — продолжала она со мной разговаривать из ванной, будто извиняясь.

— Легко. Я случайно твое свадебное платье нашел. Можешь его примерить сейчас?

— Зачем тебе? — удивилась она, выглянув из ванной.

— Раз уж я стал свидетелем последних дней ваших отношений с мужем, хочу увидеть, какой ты была в день своей свадьбы.

— Если ты настаиваешь... — взяла она платье и снова скрылась в ванной, захлопнув дверь.

Через минуту она появилась в дверном проеме вся в белом — под стать своей квартире. Красивая и сияющая. Вся сверкающая и светящаяся в лучах

солнца. Стоящая на стороне света и бьющаяся за свою любовь до конца.

Я молчал, любясь ее красотой и понимая, что вот рядом с ней мужчина, который никогда в жизни не сможет дать ей столько, сколько дал муж. Никогда в жизни, даже если очень постарается. Первая нежность. Первый поцелуй. Порванная метафизическая девственность. Девочка из хорошей семьи. Свадебное путешествие. Таиланд? Испания? А может, и Греция? Развалины античности? Сарафан как туника, шлепанцы как сандалии? Воздух, которым невозможно надышаться, но который можно есть, как сладкую вату. Рыбки, которые плавают рядом с тобой, только протяни пальцы ног с праздничным педикюром, в прозрачной лазоревой воде.

23.

— Ну, как я тебе? — спросила она.

Я хотел было сделать ей комплимент, но тут зазвонил телефон. Лиза взяла трубку и снова ушла в ванную, плотно прикрыв дверь.

— Кто это? — спросил я, когда она, выскочив, начала метаться по квартире в поисках своей нормальной одежды.

Это выглядело смешно, напоминая сценки из фильмов, в которых невеста гонится за сбежавшим женихом.

— Это муж, — почти выкрикнула она в панике, — он уже возле дома, через пять минут будет здесь!

— Поздравляю, — заметил я. — Значит, твой план с новым мужиком на Восьмое марта в ресторане сработал.

— Ты должен уйти! Слышишь?! Срочно убраться отсюда!

— Почему? — Мне очень захотелось посмотреть на мужа. — Можно сказать, что я мастер и что я пришел выполнить заказ по сборке мебели. У меня и документы, и накладные с собой.

— Накладные кстати. Но он уже жутко ревнует, — судорожно взвывала Лиза, — ты не представляешь, какой он бешеный. Ему уже сообщили, что я с кем-то веселилась в нашем ресторане. Слышишь? Ты можешь все разрушить!

— Разрушить все? — удивился я, глядя на собранную мебель.

— Ты уже почти все разрушил, солдатон, — истерично взвывала Лиза, — убирайся отсюда сейчас же.

— Ок, слово хозяйки — закон, — начал я тоже суматошно искать под коробами свои куртку и

шапку, затем стремительно зашнуровывать ботинки.

24.

Выписав квитанцию задним числом, схватив куртку, я выбегаю в длинный коридор. От резких движений кровь ударяет в голову, в правом полушарии темнеет, в левом екает.

Дом-муравейник походит на отель. Всего два лифта — грузовой и пассажирский — на чрезмерное количество квартир, разбросанных по обоим концам лестничной площадки. И пока я иду по длинному коридору на свет, мерцающий в конце туннеля у лифтовых камер, видения вновь накатывают как снежная лавина.

Отряд переходит Альпы, чтобы преподнести сюрприз врагу. Войска Ганнибала или Суворова? Дерзкий и хитрый план или военная от безысходности необходимость? После ночи холодно, и конечности немеют. Хочется спать и есть, но нельзя останавливаться, нельзя сбиваться с ритма — иначе беда.

Нужно скорее добраться до спуска, до лестницы или лифтовой шахты. Но я не успеваю. Нажав на кнопку вызова, понимаю, что лифт уже тут. И в следующую секунду двери разъезжаются, и на меня вываливается, словно из табакерки, суруг Лизы.

Маленький и плюгавенький. Белобрысый, с уже солидной залысиной и с растерянным кроличьим взглядом, с ключьями волос на висках. Ну точно реконструктор Суворов. А я для него выгляжу, наверное, как амбал Ганнибал.

Очки минус, хотя неизвестно, каков он в постели. Секс дело непредсказуемое. У меня не было времени себя проявить. В руках мужика перфоратор и цветы. Перфоратор напоминает автомат. Что же, перфоратор как раз пригодится. И цветы весьма кстати.

— Э, простите, — растерявшись от столкновения, на секунду останавливает меня он. — Вы не знаете, в какую сторону 189-я квартира? Вправо или влево?

«Зачем он спрашивает? — задумываюсь я на мгновение. — Проверяет?»

Раз он успел сделать карьеру в финансовой корпорации, то, видимо, неплохо соображает. Если я точно отвечаю, то не вызову подозрения. А если я не местный, то что здесь делаю в такую рань? Но откуда мне знать, где 189-я? На этом ли она вообще этаже? И какой это этаж?

— Э... — выдерживаю я паузу, будто раздумывая. — Не могу точно сказать. Я из пожарной

инспекции, плановый рейд, проверяю сохранность гидроузла. Но, думаю, вам туда, — указываю я в противоположную от Лизы сторону. — Да, думаю, направо, хотя я точно не уверен.

Муж кивает и идет домой. У него есть дом, есть куда вернуться, перейдя через Альпы. И он правильно сделал, что вернулся.

25.

А я, я, каждую секунду своего бытия так стремящийся к дому, мной же безжалостно разрушаемому, ему завидую. Двери лифта закрываются, обрывая последнюю надежду. Скрипит пол, будто заезженная пластинка с песней Лили Марлен, которой заслушивались солдаты Второй мировой по обе линии фронта: «И если со мной случится несчастье, кто будет стоять у фонаря, как когда-то, Лили Марлен, как когда-то, Лили Марлен?»

Я качу вниз в раскачивающейся, трясущейся камере, а на меня вновь, ближе к первому этажу, накатывают видения. Видения, что я по одну из линий фронта, по одну из щелей черт, под которой лишь пропасть, шахта небытия. Свет то гаснет, то начинает мерцать. Я будто снова в окопе, в тесном низком блиндаже. Начало боя. Артиллерийский обстрел. Артподготовка нас накрывает с головой. Взрывы справа и слева, земля дрожит, вокруг сплошной ад.

— Слушай, — говорит лейтенант, — давно хотел спросить, у тебя есть невеста?

— К чему такие вопросы в начале боя?

— Думаю вот, если ты вдруг погибнешь, будет тебя кому оплакивать, сержант?

Я улыбаюсь, а перед глазами образ. Девушка в белом платье. Стоит, запечатленная на миг и на всю вечность камерой глаза в дверном проеме, словно в рамке фотокарточки.

— Есть, — достаю фотку и протягиваю офицеру.

— Ух ты, — восклицает лейтенант, — какая красавица!

— Да, красивая.

— Слишком хорошая для тебя, сержант. Как ее зовут?

— Лиза...

— Лиза. А почему они никогда тебе не пишет и не звонит? — с недоверием смотрит на меня лейтенант.

— И хорошо, что не звонит. Не звонит и не пишет, значит, у нее все в норме.

Сержант с недоверием оглядывает меня и начинает насвистывать песенку французских добровольцев. Простенький марш, разорванные отдельные фразы, под шаговый ритм:

Смерть, смерть, смерть из-за каждого куста.

Мой бог, дай мне сил обезуметь не совсем.

Мой дом родной, как далек ты от меня.

Ложь, ложь, ложь, что за правду я дерусь.

Знай, мать, знай, жена, я домой уж не вернусь.

И только пыль, пыль, пыль занесет память о солдате...

— Пыль, пыль, пыль... — сплевывает лейтенант, будто подчеркивая, что все мои слова ложь и пыль.

— И потом, некогда ей звонить и писать, — подумав немного, для достоверности и убедительности добавляю я.

— Это почему? — удивляется лейтенант, преувеличив свое недоверчивое мурлыканье.

— Мы ждем ребенка.

